

Воссоединенная семья

Рассказ Гарри

Слышать, что твой слух заменили на другой, должно быть хорошо. Но когда ты слышишь, что это слух твоей так называемой семьи во всем, кроме крови, это становится плохо. Слышать, что тебе лучше не слышать их преступлений, - еще хуже. А уж услышать, что твой отец - настоящий бог, - это вообще перевернет сознание каждого.

И все же выражение лица Зевса, когда он произнес эти слова: "Так говорит владыка Зевс! Бог грома, повелитель неба, царь богов и божественный отец Харрисона Юноны Блэк, он же Гарри Джеймс Поттер". В его взгляде была предельная честность и душевная искренность, но даже не этот взгляд убедил меня в его словах.

Это взгляд, которым он смотрит на меня сейчас, после того как произнес эти слова. Улыбка, которая появляется на его лице, когда он смотрит на меня и Сириуса. Его глаза светятся любовью и счастьем, когда он смотрит на меня. А еще чувства комфорта и заботы, которые я почти ощущаю в его взгляде, как будто он выражает их через свои поры.

Я не свожу с него глаз, пытаюсь заставить его врасплох и заставить его признаться, что все это ложь, но единственное, что он делает, продолжая смотреть на меня и улыбаться, причем любовь в его улыбке почти очевиднее любви, сияющей в его глазах, - это раскрывает объятия, как бы приглашая меня присоединиться к нему.

Это заставляет меня перевести взгляд с него на Сириуса, который улыбается мне, и один только взгляд его глаз говорит мне о том, что этот человек знал об этом и что он знает, что это правда, и в то время как Дамблдор и остальные члены Визенгамота выглядят шокированными, услышав эти слова, я черпаю мужество и уверенность в человеке, улыбающемся мне подобным образом.

Я поворачиваюсь к человеку, который утверждает, что он мой отец, и неуверенно делаю несколько шагов к нему, не сводя глаз с Зевса и только с Зевса, но в то время как улыбка мужчины подергивается, как будто она хочет вырасти или что-то в этом роде, он не делает ни единого движения, молча доказывая мне, что он хочет, чтобы я сделал первый шаг вместо него.

И хотя какая-то часть меня кричит, чтобы я развернулся и просто вернулся к Уизли, прикованным к моему старому месту, я делаю глубокий вдох, чтобы подавить этот раздражающий голос, и хотя мне кажется, что я рискую гораздо больше, чем следовало бы после всех тех случаев, когда я думал, что смогу завести семью, я все же подхожу к нему.

Рассказ Сириуса

"Я ждал этого добрых пятнадцать лет, и это полностью оправдало все ожидание". Я молча думаю об этом. Часть меня кипит от ярости при мысли о том, что мой сын подвергся насилию и манипуляциям даже со стороны тех, кого я считал своими друзьями, но мое сердце не сосредоточено на этом, так как я наконец-то снова держу на руках своего маленького

мальчика.

Гарри был самым удивительным и драгоценным ребенком, с которым я когда-либо имела удовольствие познакомиться, когда он родился, но то, как со мной обращались в Департаменте по уходу за детьми в те месяцы, когда они изучали мою внезапную беременность, напугало меня, заставив поверить, что я еще не готова стать родителем, что я не гожусь для родительства.

Теперь я знаю, что это был один из способов, которым судьба предсказала мне страдания, и хотя часть меня ненавидит то, что я позволила этому пророчеству так повлиять на меня, я также боюсь этого факта, так как это может привести к тому, что пророчество, которое слышал Дамблдор, тоже сбудется - даже если несколько строк пророчества вообще не являются правдой.

Я чувствую, как мой сын шевелится в моих объятиях, и слышу, как Зевс призывает его - то, что я сам сделал бы в день приезда Гарри в Лондон, если бы не очень важный фактор верности и доверия, который сдерживал меня - а именно тот факт, что за день до дня рождения Гарри я пытался и не смог убедить Ремуса в правде.

Он усадил меня в моей собственной комнате - по моему приглашению после ужина - и, хотя позволил мне высказать свои мысли, его взгляд становился всё более недоверчивым, чем дольше я говорила, даже когда я напредила ему о своей странной девятимесячной беременности, которую я так и не объяснила ни ему, ни Джеймсу, а только Лили.

Мужчина пытался возразить мне тем, что Гарри выглядит как копия Джеймса и что это является доказательством его генов Поттеров, но, хотя я и пыталась возразить ему тем, что Лили разбирается в зельях, мужчина отказывался верить в то, что женщина настолько опытна, что заставило меня потерять веру в возможность рассказать об этом Гарри.

Я смотрю на человека, который раз и навсегда докажет мистеру Неверие, что он ошибался, а я был прав, и хотя мне больно видеть, как мой сын колеблется на пути к важной части своей семьи, я продолжаю улыбаться своему маленькому мальчику, мои глаза говорят ему, как он должен использовать этот шанс, пока он смотрит на меня.

Затем я смотрю в нерешительные блестящие изумрудно-зеленые глаза, и хотя часть меня задается вопросом, станут ли они голубыми, как у Зевса, или серебристо-серыми, как у меня, когда Гламур - который Гарри проглотил через несколько хорошо подобранных бутылочек молока - будет снят, я не позволяю своему блуждающему разуму проявиться в моем взгляде.

Гарри смотрит на меня ещё немного, а затем отворачивается, и хотя я вижу, как он - почти инстинктивно - шарахается в сторону прикованных Уизли, кажется, что Зевс, поймавший его взгляд, снова разрушает инстинкт, наложенный на него четырьмя заключёнными, отчего мне хочется взглянуть на них и одновременно вздохнуть с облегчением.

Затем происходит то, чего мы с Зевсом ждали пятнадцать лет, и Зевс обхватывает своими

удивительными мускулистыми руками стройное тело моего маленького мальчика. И пока это происходит, я почти чувствую, как магия Зевса проникает в него, как его власть над облаками и небом делает так, что он обнимает мальчика тепло и с большим комфортом.

Одного этого достаточно, чтобы я смахнул набежавшую на глаза слезу, и хотя я знаю, что вокруг нас все еще много настороженных ведьм и волшебников, следящих за каждым моим шагом, я не могу побороть желание оказаться там, рядом с ними, в объятиях Зевса с моим сыном и со своими собственными руками, также охватывающими моего маленького мальчика.

Но вместо этого я сдерживаю улыбку, гордо складываю руки перед грудью и просто смотрю на воссоединившихся отца и сына, зная, что пророчество наконец-то исполнилось, и радостно думаю про себя: "Теперь все пойдет на лад. Наконец-то у всех нас все наладится".

И одной этой мысли достаточно, чтобы вся драма, душевная боль, страх, отчаяние, боль и муки, которые я испытывал последние пятнадцать лет - отказ от ребёнка, потеря двух лучших друзей, подстава предателя, 12 лет Азкабана и последние два года в бегах - упали с моих плеч, и я наконец-то почувствовал себя свободным.

<http://tl.rulate.ru/book/98803/3353056>